

РЕЗУЛЬТАТЫ КОНТАКТИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВ АЛТАЙСКОЙ ОБЩНОСТИ В ЦИРКУМБАЙКАЛЬСКОМ РЕГИОНЕ

В исследованиях последних лет в качестве самостоятельных выделяются следующие монгольские языки: в МНР — собственно монгольский (халха), в СССР — бурятский и калмыцкий, в КНР — монгольский (Автономный район Внутренняя Монголия), монгорский (район Кукунора), баоаньский (провинция Ганьсу и Цинхай), дунсянский (южная часть провинции Ганьсу), дагурский (провинция Хэйлунцзян). Монгольский язык в Афганистане по последним данным уже теряет свои функции даже в обиходном общении [1]. Что касается языков таких этнических групп, как суниты, хорчины, чахары, узумчины, хешиктены, авга, джалаиты и др., то их статус существенным образом уточнен в исследованиях Б. Х. Тодаевой, и теперь они рассматриваются как местные (племенные) диалекты [2].

Процесс образования самостоятельных монгольских языков начался сравнительно поздно, в основном после распада монгольской империи (XIII—XIV вв.). До этого монгольские наречия представляли племенные ответвления единого языка. Бурятский же язык начал складываться как самостоятельный несколько раньше. Археологические, фольклорные и другие материалы свидетельствуют о том, что монголоязычные кочевники, которые впоследствии стали первыми протобурятскими племенами, переселились в пределы байкальского региона в X—XI вв. н.э. Так, В. И. Сосновский пишет, что «по данным якутского фольклора... впервые монголо-бурятские племена, с хоринцами во главе, проникают на северо-восточный берег Байкала в начале X века» [3]. К XI в. относятся захоронения кочевников-скотоводов, открытые в свое время А. П. Окладниковым в верховьях р. Лены [4] и Г. Ф. Дебецем — в низовьях р. Селенги [5]. По мнению А. П. Окладникова, археологические материалы «позволяют предполагать проникновение монголоязычных кочевников в глубь Прибайкалья еще ранее, т. е. до образования монгольской империи» [4, с. 200—201].

Из истории края известно, что в те далекие времена в регионе Прибайкалья обитали тюркские (куруканы) и тунгусские (эвенки) племена. Если тюрки занимали в основном низменные, пригодные для пастбищ угодия, то эвенки — горные и таежные места. Поэтому, надо полагать, столкновение первых монголов с основной массой тюрков носило разовый и кратковременный характер, в результате чего «потомки древних курыкан» были оттеснены на север и на запад, тогда как эвенки продолжали оставаться на своих обжитых местах. В одном из древних шаманских гимнов, записанных С. П. Балдаевым еще в 1906 г. у эхиритских бурят, имеется следующее свидетельство первоначальных контактов бурят и эвенков: «Когда мы шли с Алтая, богородской травой очищались. Когда шли мы с Саяна, ветками кедра освящались. Когда спустились мы на Лену, на правом берегу осели. Подружились с эвенками, сражались с якутами...» [6].

О продолжительных и оживленных связях предков бурят и тунгусских племен говорят многие факты языкового, историко-этнического и антропологического характера.

Наиболее важным в этом отношении является то, что современные бурятские топонимические названия в большинстве своем имеют эвенкий-

ское происхождение. Эвенкийские топонимы известны на всей территории Бурятской АССР, а также в бурятских национальных округах в Иркутской и Читинской областях. Названия почти всех основных водных артерий, по долинам которых издревле проживают буряты, являются эвенкийскими: *Селенга* означает по-эвенкийски «железный», *Ангара* — «раскрытый», *Хилок* (*Килга*) — «точильный камень», *Кулинга* — «змеиный» и т. д. Такой топоним, как *Ага* (название речки и прилегающей к ней территории в Читинской области), означает по-эвенкийски «поле, открытое место, степь», *Анга* (название речки и местности в Качугском и Ольхонском р-нах Иркутской области) означает «щель, узкое место», *Могзон* (т.-д. станция и местность в Читинской области) — «длинное озеро», *Тэгда* (местность, название села в Хоринском районе) — «дождь, дождливый» и т. п. Если попытаться установить истинную этимологию многих других топонимов, подвергшихся народной этимологизации, то выяснится, что более 80% всех бурятских географических названий восходит к заимствованиям из эвенкийского языка. Например, очень распространенный топоним *Ухэр* «Укыр» (название многих сел и местностей) на бурятской почве этимологизируется как «крупный рогатый скот, бык или корова», а между тем эвенкийское слово *укури* [7, II, с. 256] означает «холм, возвышенность». Действительно, оказывается, что все бурятские села с названием «Укыр» расположены на возвышенных местах.

Кроме того, в современном бурятском и эвенкийском языках имеется довольно большой пласт лексики, близкий по своему фонетическому облику, что также свидетельствует о языковых взаимопроникновениях. Многие из этих лексем могли иметь иное происхождение, но их почти полное структурное совпадение больше говорит о том, что они являются результатом поздних языковых контактов. Ср.: эвенк. *бусэ* ~ *буһэ* [7, I, с. 115] — бурят. *буһэ* «пояс, кушак»; эвенк. *байтахун* «яловая важенка» [7, I, с. 66] — бурят. *байтаһан* «откармливаемый на убой скот»; эвенк. *какбли* ~ *какол'и* [7, I, с. 363] — бурят. *хахуули* ~ *гахуули* «рыболовный крючок».

О тесных контактах бурят и эвенков повествуется в фольклорных произведениях. В эпических текстах, а также в сказаниях, легендах и преданиях немало упоминаний о брачных связях между бурятами и эвенками. И в старинных шаманских гимнах часто говорится о том, что некоторые бурятские роды имеют эвенкийское (хамниганское) происхождение.

Данные этнической истории народов Сибири свидетельствуют о значительном смешении бурятских и эвенкийских родов [8, 9].

Естественным результатом длительного контактного сосуществования двух этносов в пределах смежных территорий явилось оживленное взаимодействие их языков. Вследствие этого эвенкийский язык в циркумбайкальском регионе фактически ассимилировался. В то же время язык бурят, сохраняя в основном свою лексику, грамматический строй и фонетику, приобрел ряд особенностей эвенкийского языка в виде субстратных явлений.

Это послужило одним из существенных факторов, определивших процесс образования нового самостоятельного монгольского языка, каким является бурятский. И только в таком понимании носителей современного бурятского языка можно называть аборигенами ныне занимаемой ими территории.

Определение статуса самостоятельности того или иного языка предполагает выявление ряда существенных признаков его системы. Если

обратиться к фонетическому ярусу бурятского языка, то для него устанавливаются следующие характерные особенности, отличающие его от других монгольских языков: 1) интонационно-ритмическая специфика — замедленно-монотонный темп речи, полногласие и отсутствие количественной редукции гласных; 2) наличие фарингального согласного *h*; 3) полное отсутствие аффрикат; 4) чередование по диалектам щелевого двухфокусного *ʒ* и среднеязычного *j*; 5) появление необычного для бурятского языка окающего диалекта; 6) процесс опереднения гласных и появление в некоторых диалектах гласных смешанного ряда *æ* и *œ*.

Анализ указанных фонетических особенностей современного бурятского языка показывает, что они имеют субстратную основу. По своим произносительным особенностям бурятский язык заметно отличается от других монгольских языков и диалектов: он характеризуется монотонным замедленным темпом речи и отсутствием количественной редукции. В противоположность ему современные монгольский и калмыцкий языки, наиболее близкие к нему по фонетическому строю, отличаются быстрой и напряженной артикуляцией слов, допускающей качественную и количественную редукцию кратких гласных непервых слогов вплоть до полного их выпадения.

На территории Прибайкалья эвенки перешли на бурятский язык, сохранив, однако, свои артикуляционные навыки, которые в сочетании с монгольскими определили специфику произносительной нормы современного бурятского языка.

Аналогичное явление наблюдается на севере Якутии, где эвенки перешли на якутский язык. «Особенности эвенкийского произношения способствовали возникновению особых интонационных приемов в языке якутов северных районов ЯАССР... И действительно, в говорах якутов северных районов при артикуляции делается пауза после каждого слова... К особенностям произношения северных якутов относится появление долгих гласных, соответствующих кратким гласным в говорах центральных якутов...» [10] (разрядка наша. — Б. И.).

Появление необычных для якутского языка долгот, пауз и т. д. — это произносительные инновации, характеризующие замедленность темпа речи, монотонность ритмико-интонационной структуры языка, что с достаточной очевидностью свидетельствует о существенных изменениях, происшедших в произносительной практике якутского языка под влиянием эвенкийского.

Влияние эвенкийской артикуляции на произносительные навыки носителей якутского и бурятского языков почти идентично. Эти произносительные особенности являются доминирующим фонетическим признаком якутского и бурятского языков, отличающим их от других родственных языков, и рассматриваются некоторыми исследователями как существенный элемент эвенкийского фонетического субстрата.

Как известно, из всех монгольских языков только в бурятском имеется фарингальный согласный *h*. Наличие этой фонемы в звуковой системе бурятского языка и различные ее модификации и корреляции по диалектам составляют одну из доминирующих особенностей современного бурятского языка. Бурятский *h* — явление сравнительно позднего происхождения. Фонетический процесс $s > h$ — это потенциально возможный путь изменения звуков. Он встречается в финно-угорских, тунгусо-маньчжурских языках, а также в корейском.

Монгольский языковой мир не знает перехода переднеязычного сильного *s* в фарингальный слабый *h*, за исключением бурятского.

Из *h*-языков потенциально могли повлиять на контактирующий с ними бурятский имбатские говоры кетского языка, говор байкальских эвенков и якутский язык.

Относительно употребления звука *h* в кетских говорах А. П. Дульзон пишет: «Во всех имбатских говорах, кроме елогуйского и суломайского, можно рассматривать звук [h] как глухую экскурсию гласного; в елогуйском же говоре этот звук фарингального образования и часто замещается (факультативно) глухим заднеязычным щелевым» [11]. Притом *h*-говory локализованы в основном в северной части ареала распространения кетского языка (по р. Курейке). Из бурятских говоров в какой-то мере имел контакт с кетским языком нижнеудинский, в котором общебурятский *h* нередко заменяется аффрикатой *ht* или просто увулярным *x*. Влияние кетского языка в данном случае исключается.

В якутском языке фарингальный *h* появился сравнительно поздно и рассматривается здесь как результат взаимодействия якутского языка с эвенкийским. Е. И. Убрятова пишет, что «появление в якутском языке *h*, вероятно, связано с общей перестройкой системы проточных согласных, которая была вызвана воздействием эвенкийского языка» [12].

Следует особо подчеркнуть, что в период собственного становления бурятский язык имел наиболее оживленный контакт с эвенкийским языком, точнее, с говором байкальских тунгусов (эвенков), который, как показывают материалы А. Кастрена, имел *h*-основу [13].

Вопрос о том, почему именно фарингальный *h*, а не другой согласный стал употребляться вместо *s*, объясняется, во-первых, тем, что в самом языке-источнике *h* корреспондировал с *s*. В эвенкийском языке употребление *h*, *s*, *š* положено даже в основу классификации диалектов, выделяются *хакающие*, *секающие* и *щекающие* говоры. Во-вторых, фарингальный *h* попал на такую языковую почву, где в этот период в диалекте монгольского языка, активно контактировавшем с *хакающим* эвенкийским диалектом, отсутствовали щелевые глухие согласные, кроме *з*. Таким образом, в начальный период языкового контакта согласные *h* и *s* употреблялись как факультативные аллофоны одной фонематической единицы, хотя с точки зрения акустико-физиологической различие между ними довольно значительное. Даже в современных бурятских говорах встречается произнесение *h* и *s* в одной и той же позиции в качестве факультативных вариантов. Аналогичное явление наблюдается в эвенском языке, где щелевые согласные *h* и *s* оказываются аллофонами одной фонемы, хотя их объединяет только то, что они являются глухими спирантами. Л. Р. Зиндер пишет по этому поводу, что «щелевой характер», разумеется, очень общий признак в таких языках, где много или хотя бы несколько щелевых, но в эвенском языке нет больше глухих щелевых, и, следовательно, уже одно то, что фонема является щелевым согласным, противопоставляет ее другим глухим согласным..., которые являются смычными. Таким образом, спирантность оказывается признаком, объединяющим аллофоны этой фонемы» [14]. При отсутствии в языке других глухих щелевых согласных оказалось достаточным сходство признаков глухости и щелинности, чтобы считать эти спиранты аллофонами одной фонемы.

Кроме того, полностью совпадает в эвенкийском и бурятском языках позиционное расположение этих чередующихся согласных, которые встречаются в начале и в середине слова. Комбинаторное изменение *h* полностью совпадает в этих языках: в начальной позиции *h* бывает глухим, в середине слова звонким.

Можно предположить, что сравнительно быстрому и почти тотальному

освоению бурятскими диалектами звука *h* мог способствовать среднемонгольский протетический *h* (**p* > *f* > *h*). Время появления первых монголоязычных племен на занимаемой ныне бурятами территории вокруг Байкала относится к раннему среднемонгольскому периоду развития монгольских языков. Как писал Б. Я. Владимирцов, «большинство среднемонгольских наречий знало начальный *h* в словах, соответствующих монг.-писм., начинающимся с гласного, причем это *h* восходило к глухому лабиальному прамонгольского языка» [15]. Когда субстратный *h* вошел в систему звуков данного языка, то протетический *h* закономерно выпал из употребления. Аналогичный случай произошел с фонемой *ɸ* в русском языке, где ее не было, но существовал аллофон фонемы *в*, близкий по своему значению глухому *ɸ*. В связи с заимствованиями слов с инициальным *ɸ* бывший аллофон фонемы *в* развился в самостоятельную фонему *ɸ*. Таким же образом протетический *h* явился как бы своеобразным катализатором появления в бурятском языке самостоятельной фонемы *h*.

Появление фарингального *h* в бурятском языке оказало существенное влияние на другие стороны его звукового строя. Во-первых, оно отразилось на общей системе консонантизма. Если во всех монгольских языках наблюдается строгое деление согласных по горизонтали на три артикуляционных ряда, то в бурятском языке появился фарингальный звук *h*, никак не вписывающийся в эту консонантную систему. Фонетисты выделяют четвертый артикуляционный ряд только для одного звука *h*. Во-вторых, процесс деаффрикатизации, который характерен для истории бурятского языка, непосредственно связан с переходом глухого сильного щелевого *s* в *h*. Как известно, из всех монгольских языков только в бурятском фиксируется полное отсутствие аффрикат. Фонетический процесс *ts* > *s* (и вслед за ним *t's* > *š*, *d'ž* > *ž*, *dz* > *z*) мог произойти только после того, когда звук *h* вытеснил *s*.

Таким образом, появление *h* в системе фонем одного из монгольских языков повлекло за собой полную перестройку структурного ряда смычно-щелевых и щелевых согласных. Если в монгольской консонантной системе всегда доминировали смычные согласные, то в бурятском начинают преобладать спиранты, что безусловно отражается на артикуляторной специфике языка в целом. Т

Из всего изложенного следует вывод, что такие существенные особенности бурятского языка, как интонационное своеобразие, появление фарингального *h*, полное исчезновение аффрикат, являются результатом языковых контактов, и трактуются они как элементы звенкийского фонетического субстрата. Появление «окающих» диалектов, междиалектных чередований *ž* и *j*, гласных смешанного ряда *æ* и *ə* также находятся в сфере действия языковых контактов, но рассматриваются как следы взаимодействия с диалектом одного из тюркских племен.

Вполне допустимо предположение о том, что при передвижении основной массы предков якутов из Прибайкалья на север отдельные группы их остались на занимаемых ими ранее территориях. Таким местом вполне могли оказаться богатые пастбищами, отдаленные от центра долины рек, в частности Тугнуй и Курбы в Забайкалье, Курумчинская долина в Добайкалье. Со временем их говоры были ассимилированы языком основной массы региона (монгольских племен — предков бурят), оставив некоторые следы субстрата, например, по Тугнуй и Курбе — в виде сильно развитого «оканья», в эхиритском и булагатском говорах — в виде «яканья» и опереднения гласных *a* и *o*. Анализ этих фонетических явлений дан в работе автора «Становление звукового строя бурятского языка» [16].

Таким образом, наиболее специфические черты бурятского языка относятся в основном к реалиям, связанным с различными ситуациями экстралингвистического характера, которые оказали существенное влияние на процесс становления звукового строя бурятского языка и его диалектов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ligeti L.* Recherches sur les dialects mongols et turcs de l'Afghanistan // *Acta Orientalia*. IV, 1954. P. 99—100.
2. *Годаева В. Х.* Монгольские языки и диалекты Китая. М., 1960.
3. *Сосновский В. И.* К вопросу об образовании бурятской народности // *Бурятияведение*. IV. Верхнеудинск, 1928. С. 102—103.
4. *Окладников А. П.* Археологические данные о появлении первых монголов в Прибайкалье // *Филология и история монгольских народов*. М., 1958.
5. *Дебец Г. Ф.* Могильный железного периода в с. Зарубино // *Бурятияведение*. II. Верхнеудинск, 1926.
6. *Балдаев С. П.* Родословные предания и легенды бурят. Улан-Удэ, 1970. С. 294.
7. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. I. Л., 1975; Т. II. Л., 1977.
8. *Долих Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960.
9. *Цыдендамбаев Ц. Б.* Бурятские исторические хроники и родословные (историко-лингвистическое исследование). Улан-Удэ, 1972.
10. *Романова А. В., Мыреева А. Н., Баращков П. П.* Взаимовлияние эвенкийского и якутского языков. Л., 1975. С. 146—147.
11. *Дульзон А. П.* Кетский язык. Томск, 1968. С. 49—50.
12. *Убрятова Е. И.* Опыт сравнительного изучения фонетических особенностей языка населения некоторых районов Якутской АССР. М., 1960. С. 74.
13. *Castrén M. A.* Grundzüge einer tungusischen Sprachlehre. St.-Pb., 1856.
14. *Зиндер Л. Р.* Общая фонетика. М., 1979. С. 55.
15. *Владимирцов Б. Я.* Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. Л., 1929. С. 411.
16. *Бураев И. Д.* Становление звукового строя бурятского языка. Новосибирск, 1981. С. 58—59, 91—93, 95—97.